

Коми отделение
Академии военно-исторических наук

Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения РАН

Вологодский региональный
научно-исследовательский центр краеведения
и локальной истории «Северная Русь»

**ТРУДЫ КОМИ ОТДЕЛЕНИЯ
АКАДЕМИИ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК**

Выпуск 8

*Юбилею Отечественной войны 1812 года
посвящается*

Сыктывкар–Вологда 2012

А.И. Сапожников*

**ВОЕННО-ЦЕНЗУРНЫЕ БАТАЛИИ
ВETERANОВ ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА**
(об одной полемике А.И. Михайловского-Данилевского
с В.С. Норовым)

Следовавшие за победой русского оружия в Отечественной войне 1812 г. времена, увенчанные революционными событиями в Европе 20–30-х гг. XIX в., заставили идеологов российского самодержавия задуматься о необходимости возрождения «духа единения сословий перед престолом», который, по их мнению, наиболее ярко проявился в годы борьбы с Наполеоном. С этой целью в 1830-е гг. был проведен целый ряд военно-пропагандистских кампаний – открытие Александровской колонны на Дворцовой площади в 1834 г., открытие Нарвских триумфальных ворот в 1834 г., сбор русской и прусской армий в Калише в 1835 г., Вознесенский кавалерийский сбор в 1837 г., открытие памятников М.И. Кутузову и М.Б. Барклаю де Толли на площади перед Казанским собором в 1837 г., Бородинские торжества 1839 г. и др. Все эти мероприятия, проводимые с необычайной торжественностью, должны были напомнить о временах величия России, когда она была вершительницей судеб в Европе. Прежде всего, имелись в виду события 1812–1814 гг., увенчавшиеся вступлением русской армии в Париж.

Ветераны вспоминают о днях минувших, своей причастности к известным событиям независимо от идеологической или политической конъюнктуры. Человеку присуще желание оставить свое имя в истории, и, как правило, мемуары пишутся именно с этой целью. Первые воспоминания о нашествии Наполеона на Россию стали создаваться уже в 1812 г., последние были написаны в 1880-е гг.

В середине 1830-х гг. ветераны узнали волнующую новость о том, что в Петербурге назначен официальный военный историограф, генерал-лейтенант А.И. Михайловский-Данилевский, которому Императором поручено описание кампаний 1812–1814 гг. Теперь от его воли зависело, чьи имена будут запечатлены на скрижалях Истории. Вскоре многие из них получили от историка письма с просьбой предоставить для работы сохранившиеся документы или воспоминания, относящиеся к эпохе 1812 г., что стало побудительным толчком к мемуаротворчеству. По мере того, как сочинения А. И. Михайловского-Данилевского выходили в свет, одни вете-

*Сапожников Александр Иванович (Санкт-Петербург) – заведующий отделом газет Российской Национальной библиотеки, кандидат исторических наук.

раны увидели в них ошибки, другие посчитали себя обойденными вниманием, и это также побудило их взяться за перо.

Однако многие из этих мемуаров не были опубликованы после их создания, часть из них остается в рукописи до сих пор. Произошло это по различным причинам, в том числе – из-за цензурных преград.

Военный цензор А.И. Михайловский-Данилевский

После смерти Н.М. Карамзина пост официального российского историографа оставался незанятым. На это место претендовали многие, в том числе и великий Пушкин. Но преемником Н.М. Карамзина, и только отчасти, стал А.И. Михайловский-Данилевский. Ему предстояло заниматься историописанием исключительно в области военной истории. При этом его еще и не освободили от службы... Новый Император не любил не служащих. Специально для А.И. Михайловского-Данилевского вводилась неременительная должность председателя Военно-Цензурного комитета.

Историк А.И. Михайловский-Данилевский, как никто другой из его современников, приложил много усилий для пробуждения мемуаротворчества среди ветеранов Двенадцатого года и сбора этих произведений. Он видел в них ценный исторический источник, обильно использовал в своих исторических трудах, зачастую дословно цитируя. В его черновиках сохранилась следующая запись: «Я хотел быть менее красноречивым историком, нежели достоверным повествователем. Для этого я везде, где мог, приводил собственные слова действующих лиц». В ответ на обращения к ветеранам с просьбой прислать свои мемуары он получил не менее пятнадцати рукописей, написанных прежде назначения на пост историографа. Еще около пятидесяти мемуарных текстов были написаны непосредственно в ответ на его запросы [1].

Однако совмещение в одном лице двух должностей – военного цензора и официального историографа – изначально заключало в себе противоречие. Отныне А.И. Михайловский-Данилевский, будучи сам плодовитым автором, должен был контролировать творчество своих коллег – военных историков и мемуаристов, в большинстве своем – ветеранов наполеоновских войн. Он с рвением принялся за дело и быстро заслужил репутацию придирчивого цензора. Вот что писал о нем один из его подчиненных, производитель дел Военно-Цензурного комитета А.А. Харитонов: «Нельзя сказать, чтобы генерал-историк представлял собою симпатичную личность: льстивый угодник перед начальством, он держал себя гордо перед подчиненными... Строг он был и к авторам статей и книг, поступавших на его просмотр. Хорошо еще, что его цензорскую ретивость сдерживали члены комитета: Веймарн, Философов, Траскин и какой-то моряк (фами-

лии не помню) – все флигель-адъютанты» [2]. Многие авторы, в том числе и ветераны, не избежали малоприятного для них общения (очного и заочного) с военной цензурой: Ф.Н. Глинка, Д.В. Давыдов, Р.М. Зотов, князь Н.Б. Голицын, В.С. Норов и др.

Мемуарист В.С. Норов

Василий Сергеевич Норов (1793–1853) получил образование в Пажеском корпусе. Согласно семейному преданию, во время дежурств во дворце в качестве пажа он был товарищем детских игр Великого Князя Николая Павловича. Однажды их игра в оловянных солдатиков закончилась ссорой, сыгравшей впоследствии роковую роль в судьбе В.С. Норова.

В 1812–1813 гг. служил офицером Лейб-гвардии Егерского полка, награжден тремя орденами за участие в сражениях, тяжело ранен под Кульмом. Василий Сергеевич пользовался расположением всесильного графа А.А. Аракчеева, о чем свидетельствует опубликованная недавно их переписка [3]. Казалось бы, все предвещало успешную карьеру brave гвардейского офицера, но его преследовал злой рок в лице будущего императора.

В конце февраля 1822 г. командир 1-й Гвардейской дивизии Великий Князь Николай Павлович осмотрел в Вильне две роты Лейб-гвардии Егерского полка и остался недоволен ими. После смотра он устроил разнос батальонному и ротным командирам, угрожая лишить их команды. Одним из ротных командиров служил капитан В. С. Норов. Уязвленный столь грубым обращением, он спустя день подал прошение о переводе в армию, с вызывающей оговоркой – «хотя и капитаном», несмотря на то, что при переводе мог рассчитывать на следующий чин. Его поддержали многие офицеры, некоторые из них также подали прошения о переводе в армейские полки. Эта история имела большой общественный резонанс, у современников она получила название «виленской» или «норовской». Император круто расправился с дерзкими гвардейскими офицерами. Капитана В.С. Норова после содержания в течение шести месяцев на гауптвахте перевели на службу в 18-й Егерский полк. Еще пять офицеров полка – от полковника до прапорщика – также были переведены в армейские полки [4]. Некоторые из современников считали, что великий князь все же был вынужден извиниться перед В.С. Норовым.

В октябре 1823 г. Император Всемиловейше простил В.С. Норова, его произвели в подполковники, но вскоре он вышел в отставку – служить больше ему явно не хотелось. Однако его злоключения не закончились – имя отставного подполковника всплыло во время допросов декабристов. Несмотря на то, что он давно отошел от тайного общества и в момент восстания находился в Москве, он был арестован и осужден по второму раз-

ряду как один из самых опасных заговорщиков. Его приговорили к пятнадцати годам каторжных работ (затем срок сократили до десяти лет). Многие современники вновь увидели в этом необычайно строгом приговоре злую волю Императора Николая Первого.

**«Записки о походах 1812 и 1813 годов,
от Тарутинского сражения до Кульмского боя» (СПБ., 1834)**

В 1812–1813 гг. В.С. Норов вел на французском языке «Журнал военных действий» Гвардейской бригады, в которой служил. Во время Рейхенбахского перемирия он привел свои записки в порядок, окончательно завершив их уже по возвращении в Россию в 1815 г. В 1821 г. он решил перевести свои записки на русский язык, но последовавшие события не позволили ему осуществить задуманное, а после ареста по делу декабристов все бумаги были утрачены.

В заключении он напишет свои воспоминания о походах 1812–1813 гг. Обстоятельства это позволяли, так как, по свидетельству К.К. Жерве, содержащиеся в Бобруйской крепости декабристы днем занимали в инженерных мастерских «две отдельные комнаты, где они свободно могли читать, писать и заниматься чем хотели» [5]. Родные пересылали им деньги через офицеров гарнизона, арестанты могли покупать себе все необходимое, в том числе и книги.

Рукопись воспоминаний В.С. Норов отослал в Петербург своему младшему брату, достаточно влиятельному чиновнику Аврааму Сергеевичу Норову (1795–1869), который в результате ранения, полученного в Бородинском сражении, потерял ногу. Впоследствии он дослужился до чина полковника, перешел на статскую службу. В начале 1830-х гг. А. С. Норов состоял чиновником для особых поручений при Министерстве внутренних дел. Благодаря своим связям он сумел провести мемуары осужденного брата через цензуру и издать их, правда, без указания имени автора.

«Записки» В.С. Норова принято считать самым крупным мемуарным произведением, посвященным эпохе 1812 г., вышедшим из декабристской среды [6]. Однако, несмотря на свое название, они более соответствуют историческому труду, поскольку в них рассматриваются действия всей русской армии, включая войска П.В. Чичагова, П.Х. Витгенштейна и Эртеля. Личность самого мемуариста, безусловно, присутствует на страницах книги, более того – он узнаваем, однако основное содержание посвящено не его жизни, а рассмотрению боевых действий. Впоследствии в предисловии к неосуществленному второму изданию В.С. Норов ответил на вопрос, который ему, вероятно, неоднократно задавали: «Как мог частный офицер, служивший во фронте, иметь сведения о действиях армий?». На этот вопрос

он ответил следующим образом: «по прошествии нескольких лет после кампании, по прочтении своих и неприятельских реляций, соображая рассказ других свидетелей с собственными своими наблюдениями, всякой офицер, любящий свое ремесло и предварительно приготовленный изучением правил военной науки к здравому суждению о военном деле, не только может, но и должен из любви к истине, к славе отечественного оружия и к науке рассказать, что знает для опровержения хвастовства иностранных и своих писателей» [7].

Как историк, В.С. Норов старался быть беспристрастным, в книге часто встречаются критические высказывания по поводу действий русских военачальников, включая и Главнокомандующего князя М. И. Кутузова. Первым сражением, в котором участвовал мемуарист, было Тарутинское, и уже с описания этого сражения начинаются критические высказывания в адрес русского командования: «Но сей успех, хотя весьма значительный, не был столь решителен, как сего можно было ожидать от превосходного числа нашей армии. Неприятельский корпус мог быть совершенно уничтожен, если б в исполнении предложенного плана не было сделано ошибок» (С. 6).

Позволю себе еще одну цитату, характеризующую на этот раз исторические взгляды автора: «Позволительно и весьма естественно увлекаться энтузиазмом, рассказывая о доблестях народных; но действия военные всегда должно рассматривать хладнокровно, без предубеждения. К тому же военная история бывает для нас полезна, когда основана не на ложных или прикрашенных реляциях, но на истинном и беспристрастном повествовании очевидцев» (С. 7–8.).

Заканчивая первую часть, посвященную Отечественной войне 1812 г., В.С. Норов писал: «Еще не настало время писать историю похода 1812 года: близость событий, пристрастие современников представляют сильную, непреодолимую преграду» (С. 132). Это высказывание отчасти объясняет, почему он назвал свой труд «Записками», приняв тем самым превентивные меры против возможной критики.

Декабрист явно скромничал, когда утверждал, что писал «на память», в действительности он использовал книги как русских авторов – Д.П. Бутурлина, Д.В. Давыдова, Н.М. Сипягина, так и французских – Г. Шамбре, Ф. Сегюра, Ж. Саразена, а также рукописные записки М.Б. Барклая де Толли.

Цензурный экземпляр «Записок»

В отделе рукописей Российской Национальной библиотеки хранится рукопись «Записок» В.С. Норова, подготовленная им ко второму изданию, представляющая собой своеобразный книжный памятник военной

цензуры [8]. Автором был расплетен экземпляр первого издания, между страницами книги проложены чистые листы белой бумаги, после чего переплетены вновь. На чистых листах он сделал обычными чернилами исправления и дополнения для второго издания. Когда эта рукопись поступила в военную цензуру, А.И. Михайловский-Данилевский сделал красными чернилами свои замечания. После этого рукопись вновь вернулась к В.С. Норову, ответившему на замечания цензора на тех же листах. Теперь она содержала три слоя рукописных маргиналий, благодаря чему в распоряжении исследователей имеется уникальный документ – полемика между автором и цензором, зафиксированная письменно.

В большей части замечаний А.И. Михайловский-Данилевский отсылает автора к своему официальному труду: «Объяснено в Истории 1812 года» или «Поверить с Историєю».

В одном месте В.С. Норов не удержался и съязвил в ответ: «Писано прежде издания Истории г<енера>ла Данилевского».

Правка чужих мемуаров по собственному историческому сочинению достаточно ярко характеризует цензорскую деятельность А.И. Михайловского-Данилевского. Некоторые его замечания были справедливы, в них устранялись фактические неточности, с ними автор согласился. Например, в значительной части был переработан рассказ о Бауценском сражении. Некоторые запретные темы автор не оспаривал, в том числе ремарку цензора: «Мародеров? О них нельзя упоминать».

Наибольший интерес представляет заочная полемика историка и автора мемуаров, достаточно горячая, если принять во внимание форму, в которой она велась.

О напряженности спора свидетельствуют, например, маргиналии по поводу описания сражения 4 ноября под Красным.

Замечание А.И. Михайловского-Данилевского: «Описание сего сражения надобно сличить с нашею Историєю, основанною на русских документах, а здесь списано оно с французских бюллетеней».

Ответ В.С. Норова: «Это взято не из бюллетеней, но из Истории Шамбре, по сих пор лучшего писателя о сей войне и согласно описанию русского сочинителя генерала Бутурлина. Я чужого ни откуда не списываю, и в замечании указал, на чьем сочинении основываю свой рассказ. Шамбре, как и я, никогда не верил бюллетеням и во многих местах уличал их во лжи».

Принципиальная полемика разгорелась по поводу исхода Люценского сражения. Это один из многочисленных примеров сражений, которые каждая из противоборствовавших сторон считает выигранным. Однако беспристрастный В.С. Норов считал, что сражение при Люцене выиграли

французы, именно такая оценка содержится в первом издании. Но теперь военный цензор воспротивился такой трактовке:

Текст В.С. Норова: «Напротив того, мы видим, что неприятель выиграл сражение искусным употреблением артиллерии, которую он успел скоплять большими массами на решительных пунктах, и особенно превосходным движением вице-короля к Эйсдорфу».

Замечание А.И. Михайловского-Данилевского: «NB. Неприятель не выиграл сражения».

Ответ В.С. Норова: «Если неприятель не выиграл сего сражения, то мы его выиграли, а если мы остались победителями, то как же мы очутились чрез несколько дней за Эльбою вместо того, чтоб идти к Рейну?».

Интересно, что в своих мемуарах, никогда не публиковавшихся при жизни, А.И. Михайловский-Данилевский, как это не удивительно, солидарен с В.С. Норовым в оценке исхода Люценского сражения. Он писал, что Главнокомандующий граф П.Х. Витгенштейн проявил себя с худшей стороны, но «за сие сражение получил Андреевскую ленту, ибо хотели представить дело в реляциях в виде победы». Далее он пессимистично заметил по поводу этой победной реляции: «Какова должна быть история, основанная на подобных материалах, а, к сожалению, большая часть историй не имеет лучших источников» [9]. Эти слова оказались пророческими о собственном, более позднем историческом труде.

Примечательная полемика развернулась вокруг характеристики Наполеона...

Текст В.С. Норова: «Но почтим прах великого человека, второго Цезаря, которого люди просвещенные не называют более Аттилою. Тот, кто в двадцать четыре года, предводительствуя республиканскими фалангами, губил, ничтожил цесарские армии, кто восстановил отечество Сципионов, почтил прах Virгилия, сокрушил силы мамелюков, прошел палящие пески Сирии и Африки, смирил диких бедуинов, призвал ученых в пустыни Мемфиса, основал Институт в Каире, воскресил науки и художества в земле Птолommeев, освободил отечество от тиранской власти кровожадных диктаторов, проложил путь чрез снежные вершины Альпов, начертал мудрые законы – тот не станет в истории наряду с бичами народов».

Замечание А.И. Михайловского-Данилевского: «Окровавил Европу, взорвал Кремль и Смоленск, по его честолюбию принесены в жертву миллионы людей, попиравший ногами все права и законы – есть бич».

Мемуарист В.С. Норов не стал спорить и вычеркнул свой абзац полностью.

Письма В.С. Норова к А.С. Норову

Еще одним источником о трудной цензурной судьбе второго издания «Записок» В.С. Норова служат его письма к брату, хранящиеся в архивном фонде А. С. Норова в отделе рукописей Российской Национальной библиотеки (Ф. 531. Д. 477).

Первое письмо, в котором идет речь о «Записках», не датировано, вероятно, оно относится к 1828 г.: «Об издержках, касательно моих записок, пишу маменьке. Надо же чтоб остался какой-нибудь памятник после моей смерти. Я все пересмотрел и поправил. Но в предисловии ты должен, как издатель, непременно сказать, что записки сии вверены были тебе автором в 1824 году, что они большею частию писаны на память и не литератором, но фронтовым офицером» [10]. Замысел В.С. Норова понятен: боясь осложнений при прохождении цензуры, он назвал более раннюю дату создания записок, до ареста по делу декабристов.

Опубликовать мемуары государственного преступника, находящегося в заключении, было нелегкой задачей, и этот процесс затянулся на годы. В следующем письме от 22 октября 1832 г. В.С. Норов еще раз подчеркнул, что писал свои мемуары «совершенно на память», причем вторая их часть была написана «наскоро несведущим писарем под мою диктовку». В конце письма имеется приписка: «Впрочем, говоря о моих записках, я скажу тебе, что не гонясь за совершенством слога, я ручаюсь за истину и беспристрастие рассказа и не страшусь критики». В этом же письме он говорит о мотивах, побудивших его взяться за мемуары: «Впрочем, несмотря на их несовершенство, я бы желал, по многим причинам, чтоб они вышли в свет, хотя бы только для того, чтоб после моей смерти остался хоть какой-нибудь по мне памятник и чтоб кто-нибудь из моих сослуживцев, узнавая меня по сим строкам, уронил хотя одну слезку сожаления на забытую и бесславную мою могилу». Автор хотел заменить эпитафию к еще неопубликованным «Запискам», поместив вместо стихов К.Н. Батюшкова и А.С. Пушкина, слова Ф. Сегюра: «*Dictez à l'histoire vos souvenirs. La solitude et le silence du malheur sont favorable a ses travaux, et que la vîrité toujours presante aux longues nuits de l'adversité йclairе des veilles qui ne seront point infructueuses*» [11]. В первом издании эпитафия заменен не был (цензурное разрешение было получено 27 ноября 1832 г.), но вопрос о нем продолжал волновать автора, и в дальнейшем, при подготовке второго издания, он вновь просил поместить в качестве эпитафии именно текст Ф. Сегюра «как нарочно приуроченный к тому положению, в коем я находился, когда писал мои записки» [12].

В 1834 г. «Записки» В. С. Норова вышли в свет без указания имени автора на титульном листе. Сразу же после выхода их в свет он начал ра-

ботать над вторым изданием и вскоре выслал брату исправленный и дополненный экземпляр. В конце 1836 г. В.С. Норов был уверен, что второе издание «Записок» уже находилось в печати, но, к его несчастью, в декабре 1836 г. был учрежден Военно-Цензурный комитет, что значительно затруднило публикацию.

Все эти годы процесс работы над мемуарами продолжался, обнаруживались новые неточности, текст перерабатывался. Например, в январе 1837 г. В.С. Норов узнал, что неправильно назвал горы на границе Богемии и Силезии, вместо Эрцгебирг – Ризенгибирг [13].

В феврале 1835 г., после почти десятилетнего содержания в крепости, В.С. Норов определен рядовым в 6-й линейный Черноморский батальон, а спустя два года – 20 апреля 1837 г. – за отличие в сражениях на Кавказе получил унтер-офицерский чин. Теперь он хотел, чтобы его записки вышли с указанием авторства: «Имя мое поставить необходимо надо и не думаю, чтоб с сей стороны ты встретил затруднения особливо теперь, когда я солдат» [14]. Автор продолжал делать правку и дополнения к своему сочинению. К этому времени у А.С. Норова в Петербурге уже имелся экземпляр первого издания с правкой, теперь он послал второй. В сопроводительном письме содержатся указания о том, как перенести правку с одного экземпляра на другой, сведя ее, таким образом, воедино.

Первоначально мемуарист отнесся к известию о необходимости прохождения военной цензуры как-то легкомысленно: «Данилевского замечания ко мне не пересылай: 1-е потому что покуда они ко мне дойдут, пока я их разберу, и мой ответ дойдет до тебя, надо ждать целый год и более. 2-е потому что во многом не смогу быть с ним согласен. В 3-х, потому что если я внесу в мое сочинение его мысли и суждения, то это будет не мое, а его сочинение. 4-е потому что я имею причину убедительнейше просить тебя о скорейшем издании 2-го издания. Я не очень здоров, климат здесь убийственный, *les hazards des combats* (опасности войны — франц.) тебе известны, если ты будешь более медлить, то я никогда не увижу моего сочинения» [15]. В заключение он сообщил, что выслал последний имевшийся у него экземпляр первого издания, и не сможет больше исправлять «по замечаниям Данилевского первое мое издание. Вот тебе на сей счет последнее мое решение». Он еще не знал, что это только начало его цензурных мытарств.

В 1836–1839 гг. современники с нетерпением ожидали, когда же выйдет история Отечественной войны 1812 г., над которой работал в эти годы А.И. Михайловский-Данилевский. Мемуарист В.С. Норов, будучи на Кавказе, так же ждал ее с нетерпением: «Новое издание моей книги много бы меня утешило, но ты лучше знаешь, как сделать. Коль скоро выйдет

Данилевского История 1812 года, тотчас пришли мне; но сам посуди: покуда я ее получу и покуда ты получишь мой ответ на его замечания, пройдет непременно два года. А в два года я непременно сделаюсь жертвою здешнего климата. По смерти моей к чему мне послужит издание моей книги? Сверх того, если я переделаю мою книгу по Данилевскому, то это будет его сочинение, а не мое. Прошу тебя, милый друг, выдать мою книгу так, как она есть теперь, после доставленных тебе исправлений и дополнений, а замечания Данилевского ты можешь, как издатель, поместить сам в конце книги. Еще скажу тебе, что у меня не осталось более ни одного экземпляра моего старого сочинения и мне не на чем делать новые исправления. Займись сам этою работою, собери все мои поправки и поступи, как я тебя просил лишь только распродадутся последние экземпляры. Пусть Данилевского сочинение имеет свое достоинство, а мое свое. Если б я был в Петербурге, то мог бы воспользоваться его замечаниями, но я за 3 000 верст и при столь затруднительных сообщениях наши пересылки будут вояжировать несколько лет, а тогда меня не будет на свете. [...] В заключение скажу тебе, что мое сочинение не есть полная история, но простой рассказ очевидца, сделанный на память, все важнейшие ошибки исправлены, а суждений своих я не могу переменить для господина Данилевского. Словом, моя книга должна остаться так, как она есть после последних исправлений, тобою полученных, и ты меня много бы утешил, если б издал ее в нынешнем году» [16].

Однако время шло, а цензурного разрешения на издание «Записок» не было. Автор вновь и вновь просил брата ускорить их прохождение через цензуру, делая все новые уступки: «Приступи скорее ко 2-му изданию. Если необходимы перемены на счет австрийцев (о которых, впрочем, я очень мало говорю), то вот они:

Часть 2-я, книга 1-я, стр. 47.

<i>Вместо</i>	<i>Написать</i>
то она обязана сим своему гофкригсрату, измене Тугута и проч.	то она обязана сим своему гофкригсрату, предписавшему эрцгерцогу Карлу пагубное движением к нижнему Рейну прежде прихода Суворова в Швейцарию, что было причиною поражения Корсакова под Цюрихом.

Книга II, стр. 63.

<i>Вместо</i>	<i>Написать</i>
Неспособность Шварценберга	Медленность Шварценберга и поражение левого крыла австрийцев (несмотря на блистательную неустранимость дивизии Колоредо, покрывшей себя славой) должны были иметь и проч.

Вот перемены, которые я без зазрения совести могу сделать в пользу австрийской славы, но более ничего, хотя бы предстали предо мною тени принца Евгения и Марии Терезии, впрочем, покажи эти перемены Данилевскому, уничтожь, если надо, замечание мое на 94-й странице, и, наконец, кончи все это с ним. Ты сам чувствуешь всю необходимость 2-го издания по причине небрежности и непомерных ошибок 1-го, которые все означены в посланном давно к тебе экземпляре, сверх того, что значит военное сочинение без планов, карт и без имени автора?» [17].

Военно-Цензурный комитет не спешил с выдачей разрешения, и рукопись пришлось править еще не раз. В январе 1838 г. В.С. Норов был уволен от службы, затем ему позволили поселиться в Ревеле. Одним из немногих домов, где гостеприимно приняли декабриста, был дом Ревельского военного губернатора графа Л.П. Гейдена, который неоднократно упоминается в его письмах. Именно в это время и появился на свет цензурный экземпляр его «Записок», о котором речь шла выше.

«Он (граф Л. П. Гейден – А. С.) мне дал прочесть последние два тома 12-го года Данилевского. Вообрази мое удивление, что в IV томе на 18 странице сверху донизу нашел почти буквально выписанный мой рассказ о Красненском деле, на 21-й тоже, наконец, вся 173 страница совершенно моя.

Бесспорно прямое и собственное назначение исторических записок состоит в том, чтоб служить материалами для истории, но ежели г-н Данилевский думал сделать мне честь ввести мой рассказ во многих местах, то по крайней мере справедливость требовала в примечаниях указать на эти материалы *où il a puisé (откуда взято – франц.)*. Впрочем, натурально об этом ни слова не говоря ему, а только из любопытства возьми, у кого-нибудь его IV часть 12 года и сличь указанные страницы с моим рассказом о Красном, о преследовании к Борису и другие места, ты сам увидишь.

О пристрастии нечего говорить, но одно нестерпимо смешно для военного. Он уверяет, что Кутузов не помог Милорадовичу под Вязьмою, от которой он был вечером в 8 верстах, от того, что получил ложное известие,

что Милорадович не теснит неприятеля, но сам тесним им и отступает, но именно этот слух, не должен ли бы его понудить удвоить шаг и подкрепить Милорадовича?? Но Данилевский врет, я сам помню, как 22 октября в 3-м часу пополудни мы все офицеры с наших бивок близ Быкова не только слышали, но даже собственными глазами своими видели ружейный огонь стрелков и всю массу французскую, отступающую от Милорадовича, и бесились от досады, что явно открывают дорогу бегущему неприятелю. Спроси об этом кого хочешь из свидетелей. Наконец к вечеру побужденный кем-либо из генералов, или по укоризны собственной совести Кутузов отдал повеление двум егерским полкам, и двум баталионам нашего 3-му и 1-му идти на подкрепление Уварова, который с отборною кавалериею, дойдя до ручья, стал, как в пень и ограничивался одной канонадой издали, уверяя, что без пехоты ничего не может делать. В это самое время наши варили кашу для ужина, Бистром получа приказание, велел опрокинуть котлы и становиться в ружье, как вдруг приезжает сам Лавров с контрордером составить ружья и оставаться на месте, между тем каша была уже вылита! Я помню как карабинер нашей роты Таубер Шмит, вольноопределившийся из курляндцев и потом убитый под Кульмом — сказал смеючись: “Ну, ребята! Пропала каша и слава наша, француз пошел на серетир, а мы смотрим на него как вороны разиня рот!”. Но таких примеров много. Бенигсен, сидя на барабане, просто бранил Кутузова. Но такие анекдоты, хотя характеризуют эпоху, не могут быть еще описаны. *Nous autres contemporains et acteurs nous ne lirons jamais la véritable histoire de cette guerre (Но нам, современникам и участникам, уже не доведется прочесть истинную историю этой войны – франц.).* [...] Я не очень здоров, пришли мою книгу, увижу чего они от меня требуют?» [18].

Так в его руках оказался упоминаемый выше цензурный экземпляр: А.С. Норов выслал автору просимый им экземпляр с замечаниями цензора, на которые тот ответил и выслал обратно, сопроводив подробнейшей инструкцией:

«Здравствуй милый и любезной брат Абрам, возвращаю тебе мою книгу, и прошу тебя:

1-е. Потрудиться пересмотреть мои ответы на замечания Данилевского, и мои поправки, и выкинутые места и, не переменяя ничего самому, показать ему как можно скорее.

2-е. По возможности узнать правила цензуры, и что Данилевский имеет право требовать и чего не вправе переменить?

3-е. Те места, где ты увидишь, что ничего нет противного правилам цензуры, а только потому не нравятся г<осподину>ну Данилевскому, что я другого с ним мнения, – те места по возможности настаивай оставить

как есть (они означены сими словами карандашом). Буде он будет и в этих местах упорствовать, то мой ultimatum вот какой: чтоб он или ты (как издатель), внизу страниц присовокупил замечания, основанные на его суждении, а мой текст не трогать.

4-е. Ни под каким видом не оставляй более мою книгу у Данилевского. Вот почему: открыв в его Истории, что он многие страницы целиком взял у меня бессовестно, я имею причину подозревать, что он разными проволочками, пересмотрами, перемараниями хочет воспрепятствовать второму изданию моей книги и потому не выпускай ее из рук – а предварительно попроси его, чтоб он назначил тебе время, когда ты можешь показать ему мою книгу – и тогда на месте уже, показав ему мои поправки, окончательно реши с ним печатание оной. Для тебя он будет снисходительнее, нежели для меня, ибо я должен повсему думать qu'il me deteste comme son rival me voyant sur son chemin (*что он ненавидит меня, как своего соперника, встретив меня на своем пути – франц.*).

5-е. Дай ему учтивым образом почувствовать, что никто не обязан платить 50 руб<лей>, чтоб читать его Историю, и что он не имеет права, чтоб все верили ей, как Священному писанию – что кроме него есть Бутурлин, такой же русский генерал, на коем я во многих местах основываю свои суждения, и Жомини, другой русский же генерал, mais bien d'une autre réputation que la (*имеющий совсем другую репутацию – франц.*)*.

6-е. Приступи к литографированию карт и планов по моим прежним указаниям, коих ты верно не затерял. Не страшись и не сетуй на меня, что я возложил на тебя по неволе труд поверить число убитых и проч. в Бородине и общий итог (того и сего) после кампании, потому что со мной здесь нет Бутурлина, а Данилевского Историю Гейден кому-то отдал, но на все сие тебе довольно час времени. Возьми последние страницы 4-й части Данилевского, или 2-ой Бутурлина и поставь это число, по той или по другой, и если можно оставя мой счет, сказать в замечании, что Данил<евский> вот так показывает, а Бутурлин так, и, пожалуй, можешь сказать, что их счет должен быть вернее, потому что мои записки писаны на память.

7-е. Пожалоста, мой друг и брат, взгляни, что говорит Данилевский о причине, почему Барклай остановился у Каспли, начав наступательное движение и согласно его описанию, помести это в замечании и ставь всегда прим. Издат.

* Если он скажет, что и в правках есть ошибки, скажи ему, что таким образом les corrections n'auront plus de fin, qu'il n'y a que Dieu qui est infallible (исправлениям не будет конца, только Господь Бог непогрешим – франц.), что за ошибки пусть меня критикуют, а не его. (Примечание автора документа – А. С.).

8-е. Настаивай, если можно, чтоб в заглавии было мое имя так:
Василия Норова.

9-е. Сюда из Любека пришел пароход с книгами и эстампами для Болизара. Пожалуста, съезди к нему или кому другому и посмотри, нет ли у него гравюры или литографии, виденной мною у Гейдена le passage de la Вйгйсина, или с нем[ецкой] надписью Ubergang uber die Вйгйсина, та самая, en grand, которая находится в 3-й части Шамбре, и уведоь меня о цене.

Прошу тебя для меня не ссорься с Данилевским, а старайся а l'amiable (*любезно – франц.*) все с ним кончить при первом с ним свидании и уведоь меня скорее об успехах твоей Дипломатики, будь Метернихом и не горячись, где настаивай, а где уступай – и главное покажи ему, что все, что он требовал об австрийцах – уничтожено – а о Кутузове – смягчено или переменено – и что я о нем говорю с большим уважением, как и в самом деле я его уважаю, не менее Данилевского, но что правда, то правда; а правду надо уважать более всего. [...]

P.S. De grvce donnez moi une journйе pour vйrifier les nombres, et une autre journйе **pour finir avec Danilevsky – j'ai fait toutes les corrйctions possibles** – le reste. Arrangez je vous en pries vous mkme, je souffre des maux de tkte (*Будь милосерден, посвяти мне день, чтобы проверить цифры и еще один день, чтобы закончить с Данилевским, я внес все возможные исправления. Прошу тебя, согласуй все сам, я страдаю от головной боли – франц.*). Очень бы ты меня обрадовал своим приездом и изданием книги к Новому году. Если Данилевский будет упорствовать, что Наполеон не выиграл Люц<енского> сраж<ения>, то, чорт его возьми, поставь так в том месте: мы видели, что неприятель устоял против наших атак...

N.B. При печатании не смешай моих ответов Данилевскому с моими поправками, для чего я думаю, показав ответы ему, после их вымарай, а оставь только поправки» [20].

Спустя неделю он пишет в догонку очередное письмо, свидетельствующее о том, насколько его встревожила правка А.И. Михайловского-Данилевского:

«Напиши мне, получил ли ты обратно мою книгу с ответами на замечания Данилевского и с поправками, по его требованию или по моему усмотрению сделанными. Сделай одолжение, скорее кончи с ним; но для этого надобно, чтоб ты сам со вниманием рассмотрел книгу, чтоб удостовериться в справедливости моих ответов, и в необходимости удержать те места, кои я прошу его оставить неприкосновенными, ибо не заключают ничего противного правилам цензуры, равно, необходимо, чтоб, ты знал, что он имеет право требовать и чего не имеет справедливой причины переменить. Если ты согласишься его описание Красненского сражения 5 ноября, преследования французов к Березине и самую Березинскую

переправу, то ты сам увидишь, что, покрыв бессовестно у меня целыми страницами, немудрено, что он ищет, искажив своими несправедливыми вымарками мой рассказ о Люценском сражении и другие места моего сочинения, единственно имеет ввиду воспрепятствовать второму изданию, полагая, что первое уже забыто а *fin de cacher son vil (для того чтобы скрыть свою кражу – франц.)*.

В прошлом письме я изъяснил тебе, как прошу я тебя действовать, но забыл указать на одно место:

При конце первой части, оспаривая у франц<узских> писателей мнимое нравственное превосходство их армии над нашею и приводя доказательства из самых событий первой эпохи кампании 1812 года, я между прочим говорю: “и везде неустранимостью своею отвращали несчастные последствия некоторых распоряжений”. Данилевский это вымарал и поставил: “и везде отражали неприятеля”.

Но если так оставить, как он хочет, то следующая моя фраза: “но война рождает генералов” (им оставленная), не будет иметь смысла. Следовательно, прошу тебя это с ним уладить, и если необходимо будет заменить это твоим выражением, соображая с моею мыслью: что войска наши, не имея столь искусного предводителя как Наполеон, храбростию своею и твердостью отвращали бедствия, кои могли бы воспоследовать от ошибок генералов. Дела под Островною и Валутиным в 1812 году и под Кульмом в 1813 году служат тому неоспоримыми доказательствами – взгляни на карту и посуди сам.

Движение Барклая к Дрисе, когда Багратион был в Слуцке, позволило Наполеону проникнуть между ними, и он был уже в Бешенковичах, когда Барклай, постигнув, наконец, его намерение и свою ошибку, спешил форсированным маршем из Полоцка к Витебску, чтоб упредить тут Наполеона и успеть соединиться с Багратионом в Орше или в Смоленске. Для сего Барклай послал вперед авангард под начальством Остермана чрез Витебск в Островну навстречу французам. Здесь Остерман целый день держался против превосходных сил и, хотя принужден был отступить к речке Лучесе, где подкреплен был Коновницыным, с потерей нескольких орудий, однако дал время Барклаю придти в Витебск прежде Наполеона, чего нельзя было ожидать. Вот первый пример.

После Смоленского сражения Барклай, оставя сей город, пошел по Петербургской дороге, а Багратиона отправил по Московской. Ошибка важная, ибо часть французской армии под начальством Нея и Мюрата опять проникла между двумя нашими армиями и дошла уже до Лубина близ Валутиной горы, когда Барклай проселком спешил во всю мочь из Горбунова к Бредихину, чтоб прежде французов успеть выйти на

Московскую дорогу и не быть отрезану опять от Багратиона. Для этого он опять посылает авангард под начальством Тучкова навстречу неприятелю, чтоб Тучков у Валутиной горы удерживал французов, пока он (Барклай) успеет выдвинуть свою армию из проселочной дороги на Московскую. Авангард Тучкова долго держался один против четверых у Валутина и дал время Барклаю выдти прежде неприятеля на Московскую дорогу. Другой пример.

Наконец третий пример Кульмское дело, которое ты хорошо знаешь. Вот три примера, служащие доказательством, что войска наши неустрашимостию своею и твердостью отвращали несчастные последствия некоторых распоряжений. Растолкуй это Данилевскому, да напomini ему, пожалуста, как Докторов был брошен на жертву под Дирнштейном (1805), а Багратион под Шенграбенom, чтоб прикрыть отступление вечно отступающего Кутузова. Как Милорадович с двумя дивизиями (Паскевича и Чоглокова) сбил три неприятельские корпуса (принца Евгения, Нея и Понятовского) и отрезал и заставил бежать четвертый (Даву) под Вязмою, между тем как Кутузов и Уваров, сложа руки, смотрели на всю эту потеху – растолкуй ему все это и пусть он по совести скажет, справедливы ли мои упреки некоторым генералам» [21].

Действительно, текстуальные совпадения имеются, но серьезный повод обвинить А.И. Михайловского-Данилевского в плагиате отсутствует. Хотя он использовал мемуары В.С. Норова, но сослаться в книге, изданной по Высочайшему повелению, на воспоминания государственного преступника он не мог. Пожалуй, единственный из декабристов, упоминаемый на страницах «Истории Отечественной войны в 1812 году» – М.Ф. Орлов, но это особый случай.

Как мемуарист В.С. Норов не мог успокоиться после придинок цензора и написал очередное письмо, не датированное, на этот раз об ошибках М.И. Кутузова.

«В предисловии поставь число и место, где я писал его и откуда он послано. Это удостоверит Данилевского, что я за Кавказом и два года прежде издания его Истории не мог знать его объяснений о непостижимых маневрах Кутузова, и что теперь, не имея его книги, не обязан платить 50 руб<лей> и верить его изъяснениям, которые, впрочем, ничего не поменяют и что по сих пор остается истиною то, что Кутузов упустил Наполеона из рук три раза:

1-е. под Вязмою: не подкрепил Милорадовича;

2-е. под Красным: не ударив на него со всюю армиею и приостановив движение Тормасова;

3-е. на Березине: оставшись сам в Копысе, вместо того чтоб отправиться к действующим войскам и наблюдать за направлением Наполеона.

Когда же все кончилось и Наполеон ушел, Кутузов прибыл к армии Чичагова!

Что, впрочем, там, где ему что-нибудь не нравится и кажется несправедливым пусть он внизу страницы поставит свои замечания, не вымарывая мой текст.

Что везде, где он имел какую-нибудь причину требовать перемены, я сделал по его требованию, например о Шварценберге и проч<ее>» [22].

Второе издание «Записок» В.С. Норова так и не вышло в свет. Причина этого – не только в придирчивости А.И. Михайловского-Данилевского, его предвзятости по отношению к своим потенциальным соперникам, писавшим об эпохе 1812 г. В 30-е гг. XIX в. принципиально изменилось направление развития русской военной историографии. От публикаций исследований в духе А. Жомини, Д. П. Бутурлина, П.П. Сухтелена, проникнутых «идеями общегражданства», авторы которых «забывали в чьих рядах сражались», постепенно отказались. Стали приветствоваться издания патристические, носящие по преимуществу описательный характер, преследующие более идеологические, нежели научные цели. Мемуарист В.С. Норов был последователем А. Жомини и Д.П. Бутурлина, так же, как и они, мемуарист-историк призывал «забыть, к которой стороне мы принадлежали», для того, чтобы военно-историческое сочинение было действительно беспристрастным. Поэтому новое переиздание его книги было уже «не ко времени».

На первый взгляд, победу в военно-цензурной баталии двух ветеранов Двенадцатого года одержал А.И. Михайловский-Данилевский, причем исключительно благодаря служебному положению. Однако последний залп или отголосок этого сражения последовал спустя почти два десятилетия, когда победителя уже не было в живых: в 1858 г. по инициативе министра народного просвещения А.С. Норова Военно-Цензурный комитет был упразднен. Безусловно, это предложение основывалось на собственном печальном опыте общения с военной цензурой.

Источники и литература

1. Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 222–224. Архивные находки мемуарных текстов продолжают и в настоящее время. Об этом см.: Мемуары из коллекции А.И. Михайловского-Данилевского // Русское прошлое. СПб., 1996. Кн. 7. С. 138–158.
2. Из воспоминаний А.А. Харитонова // Русская Старина. 1894. № 1. С. 117–118.
3. Оригинальные письма из армии 1812–1813 гг. // Российский архив. М., 1996. Вып. VII. С. 150–169.

4. Щербатов А.Г. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. СПб., 1888. Т. 1. С. 369. Прил. С. 101.
5. Жерве К. К. Воспоминания // Исторический вестник. 1898. Т. 72. С. 759–760.
6. Тартаковский А. Г. Указ. соч. С. 46.
7. ОР РНБ. Ф. 531. Д. 477. Л. 68.
8. Там же. Q. IV. 321.
9. Михайловский-Данилевский А. И. «Журнал 1813 года» // 1812 год: Военные дневники. М., 1990. С. 335–337.
10. ОР РНБ. Ф. 531. Д. 477. Л. 61.
11. В переводе с французского языка эта фраза звучит следующим образом: «Диктуйте для истории ваши воспоминания. Уединение и безмолвие несчастий благоприятствуют таковым трудам, и пусть истина – спутница долгих бедственных ночей – освещает бодрствования ваши, которые не окажутся бесплодными». Оригинал см.: Письмо В.С. Норова к А.С. Норову от 22 октября 1832 года // Там же. Л. 1–2 об.
12. Письмо В.С. Норова к А.С. Норову, без даты // Там же. Л. 74.
13. Письмо В.С. Норова к А.С. Норову от 23 января 1837 года // Там же. Л. 12–13 об.
14. Письмо В.С. Норова к А.С. Норову от 10 марта 1837 года // Там же. Л. 14–15.
15. Письмо В.С. Норова к А.С. Норову от 4 июля 1837 года // Там же. Л. 27–28.
16. Письмо В.С. Норова к А.С. Норову от 3 сентября 1837 года // Там же. Л. 32–35 об.
17. Письмо В.С. Норова к А.С. Норову от 15 декабря 1838 года // Там же. Л. 3–4.
18. Письмо В.С. Норова к А.С. Норову, без даты // Там же. Л. 59–60 об.
19. Письмо В.С. Норова к А.С. Норову от 16 ноября 1839 года // Там же. Л. 40–41 об.
20. Письмо В.С. Норова к А.С. Норову от 23 ноября 1839 года // Там же. Л. 42–43 об.
21. Письмо В.С. Норова к А.С. Норову, без даты // Там же. Л. 74.